

Известия, - 1990, - 18 июня, - с. 3

ГОД С ИМЕНЕМ ЧАЙКОВСКОГО

Беседа с пианистом Михаилом Плетневым

— 14 июня открылся IX Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Вы стали лауреатом этого конкурса двенадцать лет назад. Изменится ли что-нибудь в его проведении в нынешнем году?

— Я слышал, что первоначально на обсуждение выносились интересные, радикальные предложения, говорили даже, что в конкурсе смогут принять участие все желающие музыканты. Но это все осталось только пожеланием. Круг советских участников ограничен определенными условиями. Но есть и новшества. Если раньше участник конкурса должен был быть лауреатом или дипломантом, то теперь участие в нем может принять даже студент консерватории, не имеющий этих званий.

— Как вы относитесь к самой идее подобных конкурсов? Насколько они нужны музыкантам? Не сковывают ли академические требования творческую личность?

— Конкурсы открывают исполнителям дорогу на лучшие концертные эстрады мира, потому что только лауреат имеет право на сольный концерт.

Но путь к таким концертным турне слишком тернист и порой неоправданно выматывает силы. Чтобы быть допущенным к участию в международном конкурсе, нужно пройти отборочные концерты. Очень часто талантливые исполнители их не проходят. Но вот что показательно: лауреатские дипломы у нас часто привозят тоже именно они, поехавшие на конкурс на свой страх и риск.

— Как складывается дальнейшая творческая судьба молодого

исполнителя, если он стал лауреатом?

— Победа на конкурсе у нас по сей день не означает почти ничего. Судьбы молодых, пусть даже одаренных музыкантов, никто не занимается. Это я объясняю не перепроизводством лауреатов, а непрофессионализмом и порочностью советской концертной системы. На Западе классическая музыка — это целый бизнес, ты должен быть точным, пунктуальным, потому что с тобой связаны другие люди: менеджеры, дирижеры. Если ты не появляешься в поле зрения целый год, ты уже выпал из обоймы. С нашим отношением к концертной деятельности за рубежом мы часто сами упускаем предоставляющиеся возможности.

— Что можно сделать для людей, которые тянутся к прекрасному, но живут далеко в провинции, где нет концертных залов, куда не приезжают хорошие исполнители?

— Ну, наверное, надо строить эти концертные залы, а если серьезно, то бездуховность наша вытекает из нашей экономической беспомощности. Хорошо бы воспитывать наших детей так, как воспитывали Чайковского. Дети — податливый материал, они преобразуются, когда с ними работают талантливые педагоги.

Но где взять столько прекрасных педагогов, чтобы их хватило на всех детей страны? На голом энтузиазме далеко не уедешь. Нужно платить хорошую зарплату, тогда в музыкальные школы, детские студии придут талантливые люди. А пока культура наша бедна. Она всегда

существовала на остаточные средства, а теперь и того хуже. Ее перевели на самоокупаемость. Где вы видели, чтоб музеи, театры, филармонии работали на самоокупаемость? Нельзя зарабатывать на том, во что другие цивилизованные страны вкладывают деньги. На периферии совсем дела плохие. Все приходит в запустение.

— Как слушателю, мне очень заметно, что из концерта в концерт исполняются одни и те же сочинения Чайковского, а в театре идут одни и те же оперы, в основном «Пиковая дама» и «Евгений Онегин», вокалисты поют одни и те же романсы. Почему так происходит? Кажется бы, ведь именно мы, соотечественники Чайковского, должны бы сохранить и донести творчество композитора во всей его полноте. Но пока что вы единственный из современных пианистов, кто постоянно исполняет все три фортепьянных концерта Чайковского и Фантазию для фортепьяно с оркестром, дирижирует целыми программами из малоизвестных произведений композитора...

— Однозначно ответить трудно. Возможно, это происходит потому, что публика любит слушать известные произведения, любит узнавать знакомые мелодии. Исполнение таких заранее любимых сочинений обречено на успех. А представить на суд слушателей незнакомое произведение — здесь есть известная доля риска.

Потом, чтобы блестяще исполнять Чайковского, его надо понимать, вернее, он должен быть созвучен тебе. Простота его музыки — это кажущаяся

простота, она гениальна. Чайковский очень субъективный композитор. И, ложно толкуя его, легко впасть в сентиментальность, в этакую «чувствительность» в исполнении, которую композитор, кстати сказать, не выносил. Его сердечность, его откровенность высказывания нельзя подменять этаким умильностью. Короче, Чайковского нужно чувствовать, а в наш рациональный век, согласитесь, далеко не каждый, даже музыкант, способен слышать песню жаворонка или восхищаться красотой ландшафта.

— Бы, конечно, не согласитесь, что Чайковский устарел?

— Почему же? Все устарело: и Чайковский, и культура, если столь многих радуют кривляющиеся молодые повесы на эстраде, в то время как на концертах классической музыки залы зияют пустотой. Все духовное, все то, что связано с высоким человеческим чувством, с богатством человеческой натуры, с гордостью быть человеком, — все устарело.

— Вам приходится много гастролировать за границей. Каков слушателю там?

— Музыкальная культура общества в таких странах, как Швейцария, Германия, Англия, очень высока. На концерты приходят подготовленные слушатели, очень много детей.

Причем зрители здесь — не просто пассивные потребители музыкальной культуры. В каждом городке существует несколько оркестров, где играют и дети, и взрослые. Это не организованные мероприятия для галочки, а проявление потребности. Люди уже по-другому жить не могут, это традиция. Но им проще в этом отношении. У них не прерывалась связь времен и поколений, все шло своим чередом.

Конечно, мы бедны, нет денег на зарплату культработникам, нет приличных концертных залов, где люди могли бы по-человечески слушать музыку, выбросив из головы колбасные проблемы. Пока существует такое положение вещей, полноцен-

ной концертной жизни быть не может. Отсюда и массовые отъезды музыкантов за границу.

— Да, кстати, об этом. Если эти отъезды будут продолжаться, что же будет с русской музыкальной культурой?

— Об этом нужно было думать раньше, и не вам, и не мне. Отъезд музыкантов — естественный процесс. Если писатель может писать для будущих поколений, то исполнителю нужно играть сейчас. А где? Не все пользуются большой известностью, не всем предоставляются залы Московской консерватории. И люди чувствуют свою ненужность. Хотя, по идее, они очень нужны. За границей они гораздо легче добиваются признания, чем на Родине, несмотря на чуждый язык. Наша школа там очень ценится. Даже те, кто мало что умеет, устраиваются и живут гораздо лучше, чем те, кто много умеет, но живет здесь.

Не знаю, что можно предложить позитивного в такой ситуации. Видимо, надо переждать какое-то время, когда страна укрепитесь в экономическом плане. Должна же наступить стабильность, наконец.

— Мне хотелось бы не соглашаться с вами, что «нужно переждать», а потом заняться воспитанием чувства прекрасного. Не опоздаем ли?

— А мне позвольте не соглашаться с вами. Возьмем какой-то город, к примеру Электросталь, и нарисую идеальную картину. Представим, что там есть превосходный концертный зал с прекрасной акустикой, руководство города культурное и имеет возможность приглашать самых лучших солистов. Население города не обеспокоено тем, где что достать, в магазинах есть все: от колбасы до мягкой мебели. Тогда свой свободный вечер люди могут посвятить театру, концерту. Это происходит из года в год, это превращается в традицию. При таких условиях сам характер жизни города преобразится.

Хотя и не модно сейчас цитировать классиков марксизма, но

культура — это все-таки надстройка, а базис — это экономика, никуда от этого не денешься. Те же классики утверждали, что бытие определяет сознание. Если бытие связано с грязью и унижением постоянным, то никакого развития духовных сторон человека не получится. Для всякой культуры должны быть условия, а тем более для музыкальной культуры. Нельзя устраивать концерты в сарае, на оставшиеся деньги, относясь к этому небрежно. Есть понятие прекрасного, оно должно культивироваться, в данном случае оно пересекается с понятием прекрасный концертный зал, даже прекрасный подъезд к этому концертному залу и прекрасные артисты, которые выступают в этом зале, прекрасная, доброжелательная атмосфера. Это все единое поле искусства.

Энтузиазм, конечно, хорошее дело, но если его не подкрепить материально, то не произойдет серьезного сдвига в области культуры в масштабах всей страны.

— Можно ли сказать, что Чайковский стал вашей главной темой?

— Я чувствую его музыку так, как будто я сам ее написал. И еще я испытываю гордость, что принадлежу к русской нации, ибо в музыке Чайковского выражено былое величие России, величие русской души, как высоко культивированной субстанции. Я не теряю веры, что мы выберемся из кризиса, что не вся наша духовность растрачена. Когда и куда бы ни приехал интересный исполнитель, он не остается без слушателей. Эти люди находятся, как будто из-под земли вырастают, из прошлого ли, из будущего ли. И знатоки, и люди без образования. Конечно, народа такого у нас еще маловато, но надо на него надеяться и верить в него надо.

Беседу вел
Г. ВАСИЛЬЕВА.